

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

К 10-летию распада СССР

*В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 8*

ЧТО ПОГУБИЛО СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

**Американская разведка
о советских военных расходах**

Москва
Апрель 2001 г.

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

К 10-летию распада СССР

**В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК №8**

В. Шлыков

**ЧТО ПОГУБИЛО
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?**

Американская разведка
о советских военных расходах

Москва
Апрель 2001 г.

В. Шлыков. Что погубило Советский Союз?, М., 2001, 40 с.

При перепечатке ссылка на «Военный вестник» МФИТ обязательна

© В. Шлыков, 2001

© Межрегиональный Фонд информационных технологий, 2001

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

(основан 10 апреля 1996 г.)

Межрегиональный Фонд информационных технологий (МФИТ) - неправительственное, общественное объединение, учрежденное администрациями ряда российских регионов,* и ставящее своей целью содействие формированию единого информационного пространства на территории России.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФОНДА

Основные цели и задачи Фонда состоят в следующем:

- содействие созданию эффективной системы поиска, сбора и распространения информации в различных областях деятельности общества и государства;
- оказание поддержки частным инициативам и исследовательским проектам, направленным на создание единого информационного пространства, внедрение новых информационных технологий;
- содействие углублению информационного обмена и взаимодействия между центральными и региональными государственными и частными структурами;
- сотрудничество с центральными и региональными средствами массовой информации;
- развитие различных форм связи между представителями политических, деловых и научных кругов, средств массовой информации;
- установление и поддержание международных контактов и связей, направленных на интеграцию России в мировое информационное пространство;
- изучение и распространение опыта зарубежных государственных, общественных и коммерческих организаций, научных и учебных учреждений, средств массовой информации в области создания и внедрения новых информационных технологий.

* Участниками МФИТ являются: Администрации Ленинградской области, Владимирской области, Красноярского края, Мурманской области, Новосибирской области, Пермской области, Приморского края, Республика Карелия, Чувашская республика, Редакция Альманаха "Памятники Отечества".

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ

Основные направления деятельности Фонда определяются Общим собранием его Участников и его Правлением. Руководство и управление делами Фонда осуществляет Президент. Повседневная работа Фонда осуществляется через Исполнительную дирекцию.

В основу работы Фонда положены принципы защиты национальных интересов, ответственности, непартийности, приверженности демократическим ценностям, а также профессиональная компетентность, сбалансированный и объективный подход к вопросам формирования информационной политики.

Свои задачи Фонд решает с привлечением широкого круга квалифицированных экспертов.

Финансовое обеспечение деятельности Фонда осуществляется за счет спонсорских взносов, грандов и пожертвований.

ПРОЕКТЫ ФОНДА

Важнейшими формами повседневной деятельности Фонда являются регулярные и носящие рабочий характер контакты с руководством регионов; проведение конференций, семинаров и круглых столов; лоббистская деятельность; организация исследовательских проектов; издание аналитических вестников по важнейшим политическим, экономическим и военным проблемам.

МФИТ осуществляет ряд проектов, среди которых приоритетное значение имеют **"Средства массовой информации и российские регионы"**, **"Проблемы и перспективы российского федерализма"**, **"Институт парламентаризма"**, **"Военный вестник МФИТ"**.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

101000, Москва, Б. Златоустинский пер., д.8/7, к.10

Тел.: 206 8171, 206 8730

Факс: 206 8096

Интернет: www.mfit.ru

ЧТО ПОГУБИЛО СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Американская разведка о советских военных расходах

Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989-1991 годы были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, бремени советской экономики. Чаще всего цитировались академики Юрий Рыжов и Георгий Арбатов, считавшие, что советские военные расходы никак не могут быть ниже 200 млрд. рублей и это при том, что в 1989 году официальный военный бюджет СССР был утвержден в размере 20,2 млрд. рублей, что соответствовало 4,1% всех бюджетных расходов или примерно 2% советского ВВП.

Многие высшие государственные и даже военные деятели также предпочитали открещиваться от официальных бюджетных данных. Одним из первых это сделал министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, заявивший в мае 1988 года, что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП. Затем, в апреле 1990 года, президент Михаил Горбачев округлил эту цифру до 20%.

Однако наибольший интерес у экспертов по военным расходам вызвало заявление в конце 1991 года, еще до развала Советского Союза, вновь назначенного начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии Владимира Лобова, объявившего, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП. Данные генерала Лобова американские специалисты определили как соответствующие 260 млрд. рублей в ценах 1988 года, то есть свыше 300 млрд. долларов по официальному обменному курсу того времени.

Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественностью. Причину подобного легковерия нетрудно понять, ибо публиковавшиеся в СССР военные бюджеты выглядели откровенным издевательством над здравым смыслом. Так, в течение 20 лет, с 1968

* Виталий Васильевич Шлыков — эксперт МФИТ, член Совета по внешней и оборонной политике; ранее — заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам.

по 1987 годы, официальные расходы СССР на оборону оставались практически неизменными и колебались от года к году между 17 и 20 млрд. рублей.

годы	1968	1969	1970	1975-76	1980-84	1985-86	1987
ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТ	16,7	17,7	17,9	17,4	17,1	19,1	20,2

По официальному обменному курсу это составляло менее 15 млрд. долларов в год. Естественно, что на этом фоне приводившиеся оценки в 200-260 млрд. рублей (300 млрд. долларов) и 20-30% от ВВП более отвечали здравому смыслу. Исходя из считавшегося в те годы аксиомой военного паритета между СССР и США как бы следовало, что и расходы обоих государств в этой сфере должны быть примерно одинаковы. Если США тратили на военные нужды около 300 млрд. долларов в год, значит, и СССР должен был тратить примерно столько же. Аналогичным образом определялась и доля военных затрат в советском ВВП. Если, как тогда считал Госкомстат, американская экономика была вдвое больше советской, то это как бы подразумевало, что доля военных затрат в советском ВВП должна была быть, соответственно, вдвое больше. Если же, как утверждали некоторые экономисты, советский ВВП уступал американскому вчетверо, отсюда следовало, что и доля советских военных расходов была в четыре раза больше, то есть 24-25% от ВВП (американский военный бюджет составлял в 1986 году 6% от ВВП).

Следует отметить, что ни правительство, ни сами военные не отвергали с порога полученные такими нехитрыми способами оценки. Более того, давались обещания сделать показатели военных расходов более открытыми и осмысленными. Премьер-министр Николай Рыжков заверял, например, что в правительстве разрабатывается методика сопоставления советских военных расходов с западными, и что через год-полтора такая методика будет готова. Маршал Сергей Ахромеев, активный участник дискуссии по военному бюджету, обещал, что через год-два военный бюджет СССР будет представляться с такой же степенью детализации, как и бюджет США.

Впервые в советской истории показатели официальных военных расходов стали публиковаться не только заметно подробнее, чем ранее, но и в сопоставимых ценах. Так, в конце 1990 года показатели военного бюджета на 1990 год (71 млрд. рублей) были пересчитаны в цены будущего, 1991 года. В результате получилось, что в планируемых ценах 1991 года военные расходы 1990 года составили 105,6 млрд. рублей (8,65% от ВВП). На 1992 год военный бюджет планировался как совместный для республик СССР.

Предполагалось, что на долю России придется 61,2% всех расходов на армию, на долю Украины —17% и т.д.

Развал Советского Союза прервал как развернувшуюся дискуссию по военному бюджету, так и процесс его рассекречивания.

Первый бюджет правительства новой России (на I квартал 1992 года) уделил военным расходам ровно восемь строк. К 2000 году он был сведен уже к трем строкам.¹

Сейчас и политики, и журналисты, и даже экономисты на полном серьезе пишут о том, что российские военные расходы (5-6 млрд. долларов по обменному курсу) сопоставимы по размерам с военными расходами Швеции, Финляндии или Сингапура и составляют 2-3% от американских. Сегодня, в отличие от последних советских лет, похоже, никого уже не смущает, что подобные оценки противоречат здравому смыслу, и что нынешние российские официальные показатели военных расходов, особенно при их пересчете в доллары, почти так же далеки от реальности, как и официальные военные бюджеты СССР.

Спрашивается, как можно содержать на 5-6 млрд. долларов в год армию, сопоставимую по численности, количеству и качеству вооружения с американской, которая стоит 300 млрд. долларов в год, да еще и сохранять военную промышленность с 2 миллионами занятых, то есть больше, чем в США? Неужели это можно делать на протяжении десятилетия только за счет нищенской оплаты военнослужащих и неплатежей военной промышленности? Таких чудес современная история не знает. Поэтому вряд ли случайно западные эксперты дают оценки российских военных расходов, во много раз превышающие официальные российские данные. Так, по расчетам Лондонского международного института стратегических исследований (ЛМИСИ), опубликованным в последнем ежегоднике Института "Военный баланс 2000-2001", реальные военные расходы России в 1999 году были равны 57 млрд. долларов, то есть в десять раз больше, чем официальный российский военный бюджет, переведенный в доллары по обменному курсу Центрального Банка России. При этом стоимость расходов на закупки военной техники оценена ЛМИСИ в 25 млрд. долларов, то есть всего лишь в два раза меньше, чем совокупные расходы на закупки всех европейских стран НАТО, вместе взятых. Расчеты ЛМИСИ основываются на собственном исследовании, проведенном в Москве в начале 2000 года, в котором ЛМИСИ определил собственный паритет покупательной способности (ППС) рубля к доллару США (пять рублей за доллар). Конечно, ЛМИСИ пересчитал на основе ППС не только военные расходы России, но и российский ВВП, оцененный им в 1998 году в 1100 млрд.

¹ Правда, в 2001 году военный бюджет стал несколько подробнее, в основном за счет второстепенных статей.

долларов (МВФ в том же году оценил его в 945 млрд. долларов) по сравнению с 277 млрд. долларов по среднерыночному обменному курсу. Но и при этом реальные военные расходы России оказались равными 5% ВВП, т.е. примерно в 2-3 раза выше, чем у гораздо более экономически благополучных Соединенных Штатов и их основных союзников по НАТО.

Разумеется, можно найти на Западе и более скромные оценки российских военных расходов. Например, Всемирный Банк оценивает их примерно вдвое ниже, чем ЛМИСИ, используя иной показатель ППС (десять рублей за доллар).

Но дело, конечно, не в том, чьи оценки более достоверны. Я привожу их здесь для того, чтобы показать, насколько изменилось отношение общества к проблеме военных расходов по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов. Если в те годы советские и российские политики и экономисты в своем стремлении показать неподъемное, по их мнению, бремя военных расходов апеллировали к мнению на сей счет прежде всего западных экспертов, то сейчас это мнение никого — ни власть, ни общество — не интересует. И это при том, что, как и расходы СССР, западные экономисты считают военные расходы России чрезмерными для ее экономики.

Напротив, и в выступлениях подавляющего большинства политиков, и почти во всех СМИ начали отчетливо преобладать требования увеличения военных расходов. Даже "Яблоко" призывает правительство выполнить данное еще президентом Ельциным распоряжение о доведении доли военных расходов в ВВП до 3,5% ВВП (в 2001 году реальные, по мнению "Яблока", ассигнования по разделу "Национальная оборона" составляют 2,8% ВВП и 18% федерального бюджета). Это, по утверждениям "Яблока", даст армии дополнительно 70 млрд. рублей в год.

В чем причина подобной метаморфозы?

Конечно, определение реального уровня военных расходов России, как и любого другого полностью или частично нерыночного государства — дело чрезвычайно сложное в интеллектуальном отношении, как я надеюсь показать ниже на примере усилий США в этой области в годы "холодной войны". Понятно, что желающих серьезно посвятить себя изучению данной проблемы мало, особенно в условиях падения спроса на результаты подобных исследований со стороны правительства, хозяйственных структур и общества в целом.

Однако главная причина всеобщей потери интереса к оценке реального бремени российских военных расходов все же иная. Дело в том, что в последние годы советской власти с избавлением от непомерных, как тогда считалось, военных расходов связывались все основные надежды населения и политиков на улучшение экономического положение страны. Егор Гайдар писал в 1990 году в

журнале "Коммунист", где он тогда работал редактором отдела политики:

"Если оборонная нагрузка на экономику, выраженная как доля совокупных военных расходов в валовом национальном продукте, многократно превышает соответствующий показатель Японии, то бессмысленно закладывать в планы повторение японского экономического чуда. Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором структурной перестройки общества... Речь не о сокращении темпа прироста военных расходов, а о серьезном снижении их абсолютной величины".

И действительно, оказавшись у власти, Е.Гайдар первым делом объявил о резком сокращении военного бюджета, в частности, о сокращении в 1992 году объема закупок вооружения и военной техники сразу на 67%. С тех пор, вплоть до 2000 года, сокращение военных расходов продолжалось, в результате чего они по неофициальным, но никем не оспариваемым оценкам упали во много раз по сравнению с 1990 годом (размеры сокращения, правда, не подкрепленные убедительными доказательствами, оцениваются различными политиками и экспертами по-разному — от 10 до 30 раз). И тем не менее, несмотря на столь, казалось бы, радикальное уменьшение, употребляя терминологию Е.Гайдара, "оборонной нагрузки на экономику", никакого заметного улучшения жизненного уровня населения, как известно, не наступило. Наоборот, произошло его резкое падение по сравнению с советским периодом. Более того, в глубокую депрессию впал и так называемый гражданский сектор российской экономики, особенно промышленность и сельское хозяйство.

В то же время считается аксиоматичным, что снижение военных расходов благотворно сказывается на экономике. Все экономисты сходятся в том, что хозяйственные успехи, например, Германии и Японии объясняются в большой, если не решающей, мере значительно более низким уровнем их военных расходов по сравнению с конкурентами. В России же доля официального военного бюджета в ВВП упала до уровня Германии и заметно приблизилась к показателям Японии, о которых так мечтал Е.Гайдар в 1990 году, но "русского экономического чуда" как не было, так и нет.

Естественно, что в результате подобного развития тезис о том, что СССР рухнул под бременем военных расходов, утратил былую привлекательность. Более того, советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна имела и "пушки и масло", если понимать под "маслом" социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский Союз

поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК.

По мнению Юрия Маслюкова, все наши хозяйственные беды проистекают как раз из того, что ВПК был разрушен. "Военно-промышленный комплекс, — заявляет Ю.Маслюков, — это прежде всего воплощение мечты о всеобъемлющей защите Родины от внешних посягательств... Если бы власть не бросилась на удушение ВПК, вместо того чтобы постепенно превратить этот могучий интеллектуальный потенциал в направляющую силу гражданского развития, — не было бы ныне задачи, которую он, ВПК, не смог бы решить".²

По словам Ю.Маслюкова, советский военно-промышленный комплекс потреблял всего 7% ресурсов страны, поставляя через машиностроительную промышленность на гражданский рынок 55% всех товаров народного потребления. Игорь Бобырев, бывший заместитель начальника отдела ВПК, в публицистическом фильме "Звездные войны", показанном по НТВ по случаю Дня космонавтики 11 апреля сего года, утверждает, что все гигантские достижения Советского Союза в космосе были достигнуты при том, что на космос выделялось в десятки раз меньше средств, чем, например, на сельское хозяйство.

Так кто же прав в этом затянувшемся споре? Стоял ли СССР перед рывком в экономические лидеры XXI века благодаря достижениям ВПК в области новейших технологий, как считают Ю.Маслюков и его сторонники, или же он рухнул под тяжестью непомерных военных расходов?

О том, насколько непросто найти ответ на этот вопрос, свидетельствуют не только долгие бесплодные споры советско-российских экономистов и политиков, но и, в частности, опыт США, затративших в годы "холодной войны" огромные средства на определение характера и направленности военных приготовлений СССР и масштабов милитаризации советской экономики.

Только на решение сравнительно узкой задачи — определение реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) (так называемая программа SCAM) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн. долларов в год.³

Приведенные выше огромные цифры затрат объясняются тем, что еще полвека назад, когда на ЦРУ была возложена задача вскрытия масштабов расходов СССР на военные цели, оно решило не

² *Завтра*, № 31, август 1996.

³ William T. Lee, "CIA Estimates of Soviet Military Expenditures. Errors and Waste", The American Enterprise Institute, Washington, D.C., 1995. P. 213.

полагаться на скудную и недостоверную советскую статистику, а разработать свой собственный альтернативный метод подсчета советских военных расходов, получивший название метода "строительных блоков". Компьютеризованная модель этого метода известна как программа SCAM. Хотя ЦРУ не опубликовало официальную расшифровку этого сокращения, специалисты в США считают, что она означает "советская компьютеризованная (или стоимостная) модель подсчетов" ("*Soviet Computerized (or Cost) Accounting Model*").

В модели имелись два основных блока — блок определения количества (блок К) и блок определения стоимости (блок С) производимой военной продукции и услуг, необходимых для оснащения и содержания советской военной машины.

В свою очередь эти два основных блока делились на целый ряд подблоков, таких, например, как закупки вооружения, материально-техническое обеспечение войск, исследования и разработки новой военной техники.

Полученные в первом блоке (блок К) величины (число произведенных в СССР танков, самолетов и других образцов оружия, количественный состав армии, число аэродромов, казарм, строящихся военных объектов, объем закупок для армии топлива, продовольствия и т.д.) умножались на их стоимость, получаемую во втором блоке (блок С). Результатом такого умножения была общая сумма военных расходов СССР.

Проведение подобных расчетов требовало огромного объема исходных данных, сбор которых был непосилен даже ЦРУ с его немалыми ресурсами. Поэтому к программе SCAM было привлечено практически все разведывательное сообщество США.

Основной поток данных для блока поступал от Разведывательного управления министерства обороны (РУМО), разведок видов вооруженных сил и особенно от Национального разведывательного бюро (НРБ), отвечающего за аэрокосмическую разведку. О масштабах деятельности последнего можно судить по его расходам на свою деятельность, которые, по оценке американских экспертов, за четверть века (с 1960 по 1984 годы) превысили 250 млрд. долларов.⁴ И это не считая затрат на анализ полученной информации. Разумеется, НРБ интересовал не только СССР, но и весь мир, а сбор по программе SCAM составлял только часть его деятельности. И тем не менее расходы США на аэрокосмическую разведку территории СССР были поистине астрономическими.

Для выполнения работ по блоку С (стоимость) привлекались прежде всего университеты, исследовательские центры, частные фирмы-подрядчики, а также большое число ученых-экономистов,

⁴ *Washington Post*, 10 August 1994.

заклучавших с ЦРУ, Пентагоном и другими ведомствами индивидуальные контракты.

В рамках программы SCAM проводились также расчеты ВВП СССР, с тем, чтобы выяснить долю военных расходов в ВВП и тем самым установить степень милитаризованности советской экономики. Это тоже была весьма трудоемкая задача, учитывая, что показатель ВВП в СССР до 1988 года вообще не применялся. Вместо него использовался показатель национального дохода, при исчислении которого из экономического счета практически выпадают образование, здравоохранение, сфера услуг и т.д. Для получения советского ВВП ЦРУ создало собственную версию SOVSIM эконометрической модели SOVMOD, разработанной в Стэнфордском исследовательском институте и Уортоновской школе под руководством профессора Гербера Левина (создателя знаменитой Уортоновской модели, на которой сделали свои диссертации десятки советских экономистов). Сам профессор Г.Левин на протяжении 70-х годов был членом Консультативной группы экономического анализа ЦРУ.

Один из руководителей влиятельного Американского Предпринимательского Института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, что "попытка правительства США оценить советскому экономисту является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области".⁵

Методологически получение величины советских военных расходов осуществлялось ЦРУ как бы наоборот — сначала в долларах, затем в рублях. Ввиду нерыночного характера экономики СССР какие-либо реальные цены на советскую военную продукцию ЦРУ получить, естественно, не могло (их не было в природе). Поэтому оно синтезировало эти цены путем выражения в долларах стоимости разработки или производства в США того или иного образца вооружения с аналогичными тактико-техническими характеристиками. Затем уже эти цены в долларах переводились в рубли по паритету покупательной способности валют, также определявшемуся ЦРУ.

Паритет покупательной способности валют (ППС) используется в экономической практике для проведения международных экономических сопоставлений. Это делается потому, что система национальных валютных курсов (как плавающих, так и фиксированных) не обеспечивает удовлетворительную точность сопоставлений стоимостных показателей, так как система валютных курсов обслуживает только сферу внешнеэкономической деятельности. К тому же, как россияне хорошо знают на примерах "черного вторника" в

⁵ "Estimating the Size and Growth of the Soviet Economy", Hearing before the Committee on Foreign Relations of the U.S. Senate, 16 July 1990, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1991. P. 49.

октябре 1994 года и дефолта августа 1998 года, валютные курсы могут резко колебаться не только в течение года или месяца, но и всего за несколько дней по самым различным политическим, конъюнктурным или спекулятивным причинам. Поэтому примерно с середины 50-х годов во всем мире пересчет показателей национальных валют в единую сопоставимую валюту осуществляется исчислением ППС.

Попросту говоря, ППС показывает количество денежных единиц страны А, необходимых для покупки некоего стандартного набора товаров и услуг, который можно купить за одну денежную единицу страны Б или за одну единицу условной (общей) валюты группы стран.

Процедуры получения ППС весьма трудоемки и требуют привлечения большого числа специалистов самых различных профилей. О том, насколько кропотливо и дотошно ЦРУ подходило к этой работе свидетельствует эпизод, о котором рассказал заместитель директора ЦРУ Джон МакЛафлин [*McLaughlin*] 9 марта 2001 года на конференции, организованной ЦРУ в Принстонском университете, и целиком посвященной работе аналитических подразделений ЦРУ по изучению Советского Союза в 1947-1991 годах. В марте 1992 года, в первый же день после назначения его шефом Управления славянского и евразийского анализа ЦРУ, МакЛафлин решил сделать обход помещений управления с тем, чтобы познакомиться со своими новыми подчиненными. В одной из комнат он обнаружил на компьютере находившейся там сотрудницы большую консервную банку с этикеткой на русском языке. В ответ на недоуменный вопрос МакЛафлина, почему ее компьютер украшает консервная банка вместо традиционных сувениров, как у других, сотрудница ответила: "Я специалист по советским консервам". В следующем офисе МакЛафлин обнаружил специалиста по древесине и так далее.

"По вполне понятным в данной аудитории причинам", — продолжал МакЛафлин, — "для нас действительно было важно понять, как функционирует советская пищевая промышленность, символом которой была упомянутая банка с консервированным горохом с тем, чтобы оценить реальную силу советской системы. ...Наши аналитики понимали, что конечная цель их коллективных усилий — независимо от того, были ли они специалистами по гороху, древесине или танкам — состояла в определении намерений Советского Союза и способности советской экономики поддерживать его военную мощь. Как многие из вас наверное помнят, вопрос о том, скольким посудомоечным машинам эквивалентен танк, требовал серьезных аналитических усилий, особенно учитывая, что советские посудомоечные машины походили на танки".⁶

⁶ Remarks of the Deputy Director of Central Intelligence John E. McLaughlin at the Conference on CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947-1991, Princeton University "The Changing

На базе ППС ЦРУ получало условные, так называемые "ресурсные" (то есть определявшиеся затратами трудовых, материальных, технологических и других ресурсов) рубли, а вовсе не те рубли, которые использовались советскими ведомствами при планировании бюджетных военных расходов и расчетах с оборонной промышленностью.

Результатом хитроумных подсчетов советских военных расходов по методу «шиворот-навыворот» (через доллары в "ресурсные" рубли), иногда публиковавшихся Конгрессом США, была немалая и радостная путаница в умах советских политиков и пропагандистов. По расчетам ЦРУ нередко получалось, что СССР в долларах тратит больше, чем США, при относительно меньшей нагрузке на экономику. Так, в 1974 году военные расходы СССР в долларовом выражении были на 20% выше, чем в США, при этом доля советских военных расходов в ВВП в рублях была всего 6%, т.е. ниже, чем военных расходов США в долларах (7%). В абсолютном выражении в 1974 году СССР тратил 24 млрд. "ресурсных" рублей, что, по расчетам ЦРУ, равнялось почти 100 млрд. долларов, в то время как военный бюджет США в 1974 году составлял всего 80 млрд. долларов. Получалось, что советская военная экономика вдвое эффективнее американской, что, конечно, сотрудникам ВПК и агитпропа узнать было приятно.

Правда, впоследствии, в 1976 году, ЦРУ сделало переоценку советских военных расходов, увеличив их, в частности, до 50 млрд. рублей (12-13% от ВВП) за 1974 год. И хотя в последующем военные расходы СССР в долларовом выражении продолжали превышать расходы США, их нагрузка на экономику выглядела уже иначе. Так, по оценкам ЦРУ, в 1988 году Советский Союз тратил на военные цели уже 15-17% ВВП, в то время как США расходовали на те же цели менее 6%.

Однако такое увеличение доли военных расходов в ВВП СССР американские разведчики объясняли вовсе не тем, что они занижали советские затраты в своих прежних оценках. По данным ЦРУ, в 1970-1988 годах советские расходы на военные цели росли весьма умеренно, не более 2% в год и отнюдь не превышали темпов экономического роста СССР. Свой же пересчет их доли в ВВП ЦРУ объясняло тем, что оно завысило размеры советского ВВП. Выступая 9 мая 1994 года в телевизионной программе Ларри Кинга, директор ЦРУ Джеймс Вулси на вопрос о причинах таких скачков в оценке военного бремени СССР отвечал: "Я изучил историю этого вопроса ввиду того, что по нему ведется много споров... Я считаю, что наша оценка величины советских военных усилий в 70-х и 80-х годах

Nature of CIA Analysis in the Post-Soviet World," 9 March 2001. The Washington File. Office of International Information Programs, U.S. Department of State. // Johnson's Russia List, #5149, 14 March 2001.

была довольно точной. Просто мы завысили величину российского или советского валового национального продукта. И это несколько исказило пропорции в наших расчетах".

По признанию ЦРУ, оно переоценило возможности советского гражданского сектора экономики, в результате слабости которого оказался невозможным перелив более производительных технологий из ВПК в гражданский сектор. Следствием этого стала стагнация невоенных отраслей хозяйства и более медленный рост ВВП, чем первоначально предполагалось.

Выступление директора ЦРУ в популярной передаче Ларри Кинга с ее огромной аудиторией было реакцией ЦРУ на шквал критики, обрушившийся на него после краха СССР.

ЦРУ обвиняли в том, что оно не смогло спрогнозировать неожиданный крах СССР, военной мощью которого так долго пугали американцев. Особенно резко ЦРУ критиковали за неспособность правильно оценить масштабы и направленность советских военных приготовлений.

При этом атаки на ЦРУ шли с диаметрально противоположных позиций. Больше и громче всего ЦРУ критиковали за недооценку советских военных расходов, под бременем которых якобы и рухнул Советский Союз.

Ричард Перл, бывший заместитель министра обороны США по международной безопасности, писал: "Неспособность точно оценить количество денег, которые Советский Союз вложил в свою чудовищную военную программу, бесспорно является одним из величайших разведывательных провалов современности. Если учесть те гигантские средства, которые были предоставлены в распоряжение ЦРУ для установления правды о советских военных расходах, то можно без колебаний утверждать, что мы имеем дело с самым дорогостоящим провалом в истории разведки... Разработанная в ЦРУ модель советской экономики в корне ошибочна, а ее заниженные и неточные оценки бремени военных расходов на советскую экономику серьезно усугубили ее недостатки. В конечном итоге мы получили картину Советского Союза, на которой Джакометти был изображен Рубенсом, а совершенно изможденная советская инфраструктура, из последних сил выпускающая все меньшее и меньшее количество оружия, была разрисована так, словно она располагает резервами для огромного увеличения выпуска военной продукции".⁷

Сенатор Дэниэл Мойнихен даже внес в Сенат США законопроект о роспуске ЦРУ за допущенные им ошибки в оценке возможностей советской экономики и влияния на нее военных расходов. "Вот уже

⁷ William T. Lee, Op. cit. P. VIII.

в течение четверти века, — заявил сенатор, — ЦРУ раз за разом ошибается в крупных политических и экономических вопросах, которые ей поручено анализировать".⁸

Однако столь крутой расправы над ЦРУ сенатор Мойнихен требовал не за преуменьшение, а за превышение советских военных расходов, в результате чего, по мнению Мойнихена, США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

К выводу о том, что ЦРУ систематически завышало советские военные расходы СССР, пришли и видные американские экономисты, в том числе известный специалист по военным бюджетам профессор Фрэнклин Д. Хольцман, а также Комитет по делам разведки палаты представителей Конгресса США.

Между тем, ЦРУ твердо стояло на своем и утверждало, что военные расходы СССР в 1989 году никак не превышали 130-160 млрд. рублей, то есть составляли не более 15-17% ВВП. Приведенные же выше оценки М.Горбачева, В.Лобова и других именитых советских политиков и специалистов о гораздо больших (по сравнению с данными ЦРУ) масштабах советских военных расходов ЦРУ объявило ничем не обоснованными.

В официальном ответе на запрос сенатора Дж.Бингамэна ЦРУ сообщило 23 июля 1990 года: "В настоящее время не существует достаточных доказательств, которые могли бы вынудить нас пересмотреть наши оценки — как в сторону завышения, так и в сторону занижения. Мы считаем, что наша базовая методология верна, а имеющаяся информационная база вполне убедительна для подтверждения наших оценок. С другой стороны, мы детально рассмотрели другие имеющиеся советские и западные оценки и нашли их менее чем обоснованными".⁹

Со своей стороны, ЦРУ объявило, что оно располагает альтернативными оценками советских экспертов, в том числе и таких, которые утверждают, что военные расходы СССР не превышают 9-10% ВВП в год. И такие утверждения действительно были.

В апреле 1990 года Американский Предпринимательский Институт организовал в Вашингтоне конференцию под названием "Сравнение экономик СССР и США: производство, потребление, военные расходы", на которую пригласил большое число советских экономистов, в том числе из Госплана и Госкомстата. С американской стороны в конференции участвовали многие сотрудники ЦРУ, занимавшиеся анализом советской экономики. Вот как описывал встречу

⁸ Ibid. P. VIII.

⁹ "Allocation of Resources in the Soviet Union and China", 1990, part 15, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1991. P. 169.

между аналитиками ЦРУ и Госкомстата Ричард Перл: "Чувство товарищества между ними просто поражало. Официальные лгуны из Москвы и те сотрудники из Лэнгли, которые сделали карьеру на своей вере этим лгунам, установили немедленное взаимопонимание друг с другом и сплотились в единый фронт против советских экономистов-реформаторов и горстки американцев, которые тщетно пытались доказать, иногда на протяжении целых десятилетий, как это делал Билл Ли, что советские военные расходы были больше, а экономика — много меньше по сравнению с тем, что утверждало ЦРУ".¹⁰

Надо сказать, что давая свои оценки военного бремени СССР, ни М.Горбачев, ни генерал В.Лобов, ни академики О.Богомолов и Ю.Рыжов никогда не приводили никаких доказательств и расчетов в подтверждение своих слов. Однако нетрудно заметить, что эти оценки поразительно напоминали те показатели, которыми оперировал Пентагон и его эксперты, обвиняя ЦРУ в недооценке советских военных расходов.

Вот какие данные давал Пентагон в своей брошюре "Советская военная мощь" за 1987 год:

"Масштабы советских военных программ видны хотя бы из их сравнения с американскими. Общие советские военные затраты в 1977-1986 годах намного превосходили затраты США. В течение этого периода стоимость всех советских военных программ в долларах была на 25% выше, чем все военные расходы США, а стоимость программ закупок была выше на 30%. ...Оценки советских военных затрат в рублях показывают заметный рост этих затрат в 70-е – 80-е годы, при этом рост, намного опережающий общий рост экономики. ...В результате этих возросших военных обязательств военно-промышленные министерства сосредоточили у себя 60% выпуска всей машиностроительной продукции".¹¹

Так как в это время США тратили на военные нужды около 300 млрд. долларов в год, а официальный курс доллара равнялся примерно 60 копейкам, то простое деление военного бюджета США (с прибавлением к нему 25-30%) на этот курс давало примерно ту цифру, которой оперировали советские политики и экономисты. Такая "методика" представлялась им тем более обоснованной, что они исходили из наличия официально провозглашенного военного паритета между СССР и США.

* * *

¹⁰ William T. Lee, Op. cit. P. IX.

¹¹ "Soviet Military Power", U.S. Government Printing Office, Washington, D.C. Pp. 107-108.

Споры между ЦРУ и Пентагоном по поводу советских военных расходов имеют давнюю историю. В сентябре 1992 года правительство США сняло гриф "совершенно секретно" с доклада (объемом 55 страниц) "Эксперимент разведывательного сообщества в области конкурентного анализа. Альтернативный взгляд на советские стратегические цели. Доклад Команды Б".¹²

"Командой Б" ("*Team B*") назвали группу независимых экспертов, созданную президентом Джеральдом Фордом для анализа взглядов американского разведывательного сообщества на военно-стратегические и военно-политические цели СССР.

Рекомендация о необходимости вневедомственного анализа деятельности разведки поступила президенту Форду от Президентского совета по рассмотрению деятельности разведки за рубежом (*President's Foreign Intelligence Review Board*, сокращенно *PFIRB*). Это консультативный орган при президенте, собирающийся примерно раз в месяц и состоящий как из отставных разведчиков, так и из представителей различных структур американского общества.

Для американских разведывательных ведомств создание "Команды Б" было делом неожиданным и, видимо, не особенно приятным. Если верить авторитетным американским экспертам, это был первый случай, когда выводы американских разведслужб проверялись независимыми аналитиками, получившими полный доступ ко всем секретным документам и другим разведывательным данным.

"Команда Б" состояла из пяти человек — профессора Ричарда Пайпса (руководитель команды), профессора Вильяма Ван Клива, бывшего директора РУМО генерал-лейтенанта в отставке Дэниэла Грэхэма, доктора Томаса Вульфа (из "Рэнд Корпорэйшн") и генерала в отставке Джона Фогта. При "Команде Б" был также создан консультативный совет в составе Фоя Колера, Пола Нитце, Сеймура Вайса, Джастера Уэлча и Пола Вулфовица. В качестве экспертов команда привлекла Фрица Эрмарта, Ричарда Фостера, Джорджа Кигана, Шермана Кента, Эндрю Маршалла и Гордона Негуса.

Официальной задачей "Команды Б" было изучение данных, на основе которых были построены выводы и заключения так называемых "Национальных разведывательных оценок" ("*National Intelligence Estimates*," сокращенно *NIEs*) серии 11-3/8.

"Национальные разведывательные оценки" (НРО) являются основными аналитическими и прогнозными документами, разрабатываемыми американской разведкой для высшего руководства страны. Они разрабатываются, как правило, на регулярной основе и выражают единую точку зрения всего разведывательного сообщества по

¹² Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis. Soviet Strategic Objectives. An Alternative View. Report of Team "B." December 1976.

тому или иному вопросу. В частности, НРО серии 11-3/8 представляли собой ежегодный анализ и прогноз развития советской военной доктрины, военной стратегии и программ стратегических вооружений СССР.

Основные положения тех или иных НРО и приводимые в них конкретные цифры и данные разрабатываются и согласовываются на рабочих совещаниях представителей различных разведок — разведывательного управления министерства обороны (РУМО), разведок сухопутных войск, ВВС и ВМС, Госдепартамента, Национального агентства безопасности и других — под председательством представителя ЦРУ. Согласованные оценки затем поступают на утверждение в Национальный Совет по разведке, состоящий из высокопоставленных сотрудников разведывательных ведомств и ФБР.

Поставленная "Команде Б" президентом Фордом задача носила вполне конкретный характер. Ей поручалось установить, не являются ли стратегические цели СССР более амбициозными и тем самым более опасными для жизненных интересов США, чем они представляются составителям НРО. В случае, если "Команда Б" придет к выводу, что это действительно так, ей поручалось разобраться в причинах допущенной разведкой недооценки советской угрозы.

"Команда Б" после трехмесячной работы представила в декабре 1976 года свой доклад, положивший начало радикальному пересмотру американским руководством степени советской военной угрозы. Результатом такого пересмотра стал новый, несравненно более крутой виток в гонке вооружений между Востоком и Западом.

В своем докладе, базировавшемся на изучении НРО с 1962 по 1975 гг., "Команда Б" пришла к выводу, что разведывательное сообщество США систематически и резко занижало как масштабы и интенсивность советских военных приготовлений, так и решительность целей, во имя которых Советский Союз наращивал свою военную мощь.

В частности, "Команда Б" обвинила разведку в том, что та "просмотрела" нарастание советской военной угрозы, утверждая в своих НРО, что СССР не стремится к достижению стратегического паритета с США.

В докладе "Команды Б" отмечалось:

"В течение 1960-х годов прогнозы НРО в отношении развития советских МБР и БРПЛ постоянно недооценивали их количественный рост, многообразие программ, улучшение качественных характеристик и боевых возможностей стратегических ракетных войск, а также интенсивность и решительность советских усилий. В середине 1960-х годов, даже после вскрытого разведкой начала осуществления программ создания СС-11, СС-9 и строительства подводных лодок класса "Янки", НРО не прогнозировали возможности

какого-либо особо масштабного или решительного наращивания стратегических ракетных сил наземного и морского базирования. Вытекавший из НРО вывод сводился, попросту говоря, к следующему: "Мы не считаем, что СССР стремится догнать США" в области этих межконтинентальных систем оружия. Советы изображались так, как если бы они вполне смирились со своим отставанием или были даже удовлетворены своим отставанием от США, а их цели не простирались далее создания минимальных, но достаточных сил сдерживания.

... Более поздние НРО, в начале 1970-х годов, принижали советские усилия по достижению демонстративного превосходства и созданию стратегических ракетных сил наземного и морского базирования в соответствии с критериями ведения реальной войны. Вместо этого подчеркивалось, что целями советских стратегических программ являются достижение "примерного паритета" и "равной безопасности".¹³

Резкой критике подверглась и оценка разведкой бремени гонки вооружений на советскую экономику. Вплоть до 1975 года американское разведывательное сообщество считало, что доля советских военных расходов в ВВП не превышала 6-8 процентов в год, то есть была даже меньше, чем в США.¹⁴ Так, США тратили на военные цели в 1962 году 9,2 процента от своего ВВП, в 1968 году — 9,3 процента, в 1969 году — 8,7 процента, в 1971 году — 7,7 процента.

Более того, по оценкам ЦРУ доля советских военных расходов в ВВП постоянно снижалась. Так, если в начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15 процентов своего ВВП, в 1960 году — 10 процентов, то в 1975 году уже всего 6 процентов.¹⁵

Получая от разведки столь низкие цифры советских военных расходов, отмечала "Команда Б", американское руководство сохраняло ложное чувство уверенности, что существующий баланс сил в пользу США никогда не сможет быть серьезно нарушен.

Выводы, к которым пришла "Команда Б" в отношении масштабов и направленности советских военных усилий, радикально отличались от тех, которые содержались в НРО.

Вот некоторые из них:

"Команда Б" считает, что СССР стремится к эффективному стратегическому превосходству во всех сферах военной деятельности, включая ядерные силы. В силу исторических причин, а также в

¹³ Ibid. P. 20.

¹⁴ Ibid. P. 21.

¹⁵ William T. Lee, Op. cit. Pp. 48, 69, 70.

силу причин, присущих советской системе, советское руководство в необычайной степени полагается на насилие в качестве нормального инструмента политики как внутри страны, так и за ее границами.

... После некоторого расхождения во мнениях, проявлявшегося время от времени в 1960-х годах, советское руководство, похоже, пришло к выводу о том, что ядерную войну можно не только вести, но и выиграть. Размах и энергичность выполнения советских стратегических программ оставляют мало обоснованных сомнений, что советские лидеры в действительности преисполнены решимости достичь максимально возможного стратегического превосходства над Соединенными Штатами".¹⁶

"... Одним из главных последствий ключевого решения, принятого в какое-то время в 1960-х годах, является стремление к наращиванию всех компонентов вооруженных сил — стратегических, обычных, военно-морских — до уровня, при котором Советский Союз мог бы с уверенностью противостоять любой возможной враждебной коалиции (включая американо-китайский альянс) и распространить свою мощь на любой регион мира, где создается для этого благоприятная обстановка.

С этого же самого времени предпринимаются интенсивные усилия с целью создания *превосходства в ядерных и обычных силах как для ведения межконтинентального конфликта, так и для конфликтов на театрах войны и в отдельных регионах* (курсив авторов — В.Ш.).

Надеясь сокрушить "капиталистический" мир невоенными средствами, *Советский Союз тем не менее ведет себя так, как если бы он считал третью мировую войну неизбежной* (курсив авторов — В.Ш.). Советские темпы создания вооружений потрясают воображение; *они безусловно превосходят все возможные потребности поддержания взаимного сдерживания* (курсив авторов — В.Ш.).

... Темпы и масштабы нынешних советских военных усилий в мирное время не имеют исторических аналогов в двадцатом веке, за исключением ремилитаризации нацистской Германии в 1930-х годах".¹⁷

¹⁶ Intelligence Community Experiment... P. 6.

¹⁷ Ibid. P. 46.

"Команда Б" также признала содержащиеся в НРО оценки советских военных расходов заниженными минимум вдвое.

"Одной из областей", — отмечается в докладе, — "где наши представления претерпели в прошлом году радикальные изменения в силу появления новой информации, является область оценки военного бремени, которое несет Советский Союз. Увеличение объема информации по советскому военному бюджету, и в особенности свидетельские показания человека, имевшего возможность детально изучить этот бюджет, убедительно подтвердили, что американская разведка грубо недооценивает советские военные расходы. Советский военный бюджет на 1970 год, к которому этот человек имел доступ, оказался на 100 процентов *больше* (курсив авторов — В.Ш.), чем американские оценки за этот год. Новые оценки разведывательного сообщества, опирающиеся на этот источник, а также другая информация показывают, что ошибка подобного порядка совершалась при составлении национальных разведывательных оценок на протяжении минувших 10-12 лет".¹⁸

Расскажу подробнее, о чем идет речь в ссылках "Команды Б" на таинственного "человека" или "источник", показания которого столь радикально изменили взгляды американской разведки на размеры советских военных расходов. Ибо этот эпизод, на мой взгляд, позволяет судить о том, насколько примитивными были американские представления о степени и характере милитаризации советской экономики. Кроме того, он показывает также, насколько ожесточенная подковерная борьба велась внутри разведывательного сообщества США вокруг оценки советского военного бюджета, особенно между ЦРУ и разведкой Пентагона.

Речь идет о научном сотруднике одного из советских научно-исследовательских институтов (фамилия его до сих пор скрывается), эмигрировавшем на Запад и утверждавшем, что он имеет информацию о советских военных расходах.

Это, естественно, привлекло к нему внимание западных спецслужб, и он в течение длительного времени допрашивался сотрудниками ЦРУ и РУМО во время своего пребывания в Германии в 1975 году.

По утверждениям этого эмигранта, военный бюджет СССР в 1970 году составлял 50 млрд. рублей, из которых 20 млрд. рублей шло на закупку вооружения. Это означало, что Советский Союз тратил на военные нужды примерно треть всех советских бюджетных расходов или 12-13 процентов ВВП. Получалось, что ЦРУ в своих оценках

¹⁸ Ibid. P. 23.

занижало общие советские военные расходы в два раза, а советские закупки вооружения — даже в три раза.

Внутри разведывательного сообщества разразился скандал, отклики которого проникли и на страницы прессы.¹⁹

В вопросе о приведенных эмигрантом данных столкнулись две точки зрения — ЦРУ, выражавшего сомнения в достоверности приводимых данных, и РУМО, считавшего сведения эмигранта достоверными.

По некоторым утверждениям, с целью дискредитировать показания эмигранта, ЦРУ даже сфальсифицировало результаты проверки эмигранта на "детекторе лжи".²⁰ В ответ на это директор РУМО генерал-лейтенант Дэниэл Грэхэм (вскоре после этого эпизода он вышел в отставку и был назначен членом "Команды Б") обратился через министра обороны Джеймса Шлезинджера к шефу ЦРУ Уильяму Колби с требованием о повторной проверке эмигранта на "детекторе лжи". Согласие Колби было получено, и после дополнительной проверки его показания были признаны достоверными.

Все это сильно смахивало на мистификацию. Никаких достоверных данных о советских военных расходах эмигрировавший научный сотрудник не мог предоставить по той простой причине, что ими не располагало даже само высшее руководство СССР. Ибо их не существовало в природе. Подавляющая часть советских военных затрат растворялась в статьях расходов на народнохозяйственные нужды. Со своей стороны, все оборонные предприятия списывали свои социальные и другие расходы (жилищное строительство, содержание детских садов, пансионатов, охотничьих домиков для начальства и т.п.) по статьям затрат на военную продукцию, к тому же "продававшуюся" государству по смехотворно низким искусственным ценам. Именно поэтому никакая иностранная разведка не могла вскрыть "тайну" советского военного бюджета, так же как сейчас было бы бесполезно пытаться установить истинные советские военные расходы через изучение сверхсекретных архивов и документов. Можно только констатировать, что все публиковавшиеся официальные данные о военных расходах СССР были явной и бездарной ложью.

Судя по тому, как упорно американские разведчики допытывались "правды" о военном бюджете у несчастного эмигранта, они были уверены, что детально спланированный военный бюджет у СССР был и просто тщательно скрывался.

¹⁹ См.: *Washington Star*, 15 February, 1976; Joseph Alsop, "A Cautionary Tale," *Washington Post*, 7 March, 1977.

²⁰ William T. Lee, *Op. cit.* P. 65.

Я не сомневаюсь, что этот научный сотрудник просто пытался дать свою **оценку** военных расходов СССР, в то время как допрашивавшие его разведчики требовали от него твердых цифр, постоянно лоя его на противоречиях. По словам лиц, изучавших протоколы его допросов, он часто приходил в отчаяние от того, что допрашивавшие его сотрудники ЦРУ и РУМО имели самое приблизительное представление о советской статистике, по многу раз задавая ему одни и те же вопросы.²¹

В результате каждый из допрашивавших перебежчика разведчиков находил в его ответах то, что отвечало его собственным интересам. Так, эксперт РУМО Уильям Ли на основе изучения показаний эмигранта пришел к выводу, что под суммой в 50 млрд. рублей военного бюджета в 1970 году эмигрант имел в виду только расходы на научно-исследовательские работы и закупку вооружения, и что фактические военные расходы были неизмеримо выше.

Несмотря на всю противоречивость показаний эмигранта, приведенные им данные были названы "Командой Б" основной причиной пересмотра со стороны ЦРУ и других разведывательных ведомств оценок военных расходов СССР в сторону их увеличения.

Правда, ЦРУ никогда не соглашалось с таким выводом "Команды Б", называя в качестве причины своего пересмотра величины советского военного бюджета ошибку, допущенную при калькуляции цен на советскую военную продукцию.

Как бы то ни было, уже в НРО за 1976 год оценка доли советских военных расходов в ВНП была увеличена с 6 до 12-13 процентов, то есть в полном соответствии с данными эмигранта. В дальнейшем, с 1985 года, эта доля возросла до 15-17 процентов.

Разведывательным сообществом США были приняты и другие оценки "Команды Б", в частности, ее анализ направленности советских военных усилий. Об этом свидетельствуют НРО 11-3/8 за 1976 и 1982 годы. Так, НРО за 1982 год носили даже более "ястребиный" характер при характеристике целей, задач и масштабов роста военной мощи СССР, чем выводы "Команды Б".

Это не удивительно, учитывая, что члены и консультанты "Команды Б" получили после прихода к власти в 1981 году президента Рейгана гораздо большую, чем прежде, возможность влиять на военную политику США. У. Ван Клиф стал главным военным советником Рональда Рейгана во время его избирательной кампании, фактически заложив основы военной программы новой администрации. П.Вулфовиц получил должность заместителя министра обороны по политическим вопросам. Генерал Д.Грэхэм стал одним из руководителей программы СОИ. П.Нитце был назначен главным советником

²¹ Ibid. P. 8.

президента по вопросам контроля над вооружениями на международных переговорах.

Администрация президента Рейгана уже не сомневалась, что Советский Союз стремится к военному превосходству над Западом, намного опережая США по затратам на вооружения.

Вот как выглядели советские военные инвестиции (то есть затраты на закупку оружия и НИОКР) в глазах министра обороны США Каспара Уайнбергера:

"С 1950 по 1970 годы наши инвестиции в вооруженные силы на 50 процентов превышали советские. В 1970 году ситуация стала противоположной. В течение следующего десятилетия Советы инвестировали в свои силы на 50 процентов больше, чем мы.

В 1961 году, когда Джон Ф. Кеннеди вступил в должность, мы вкладывали в вооружения примерно 1 доллар 40 центов на каждый доллар советских затрат на вооружения.

В 1981 году США инвестировали 65 центов на каждый доллар советских инвестиций".²²

По словам Уайнбергера, стоимость накопленного вооружения в СССР с 1965 по 1980 годы возросла с 600 млрд. до одного триллиона долларов, в то время как общая стоимость вооружения в США сократилась за то же время с 800 до 600 млрд. долларов.²³

Еще более внушительно выглядело превосходство СССР в производстве конкретных образцов вооружения. Так, в течение 9 лет, с 1974 по 1982 годы, СССР превзошел США по выпуску МБР в 5,9 раза (2035 единиц в СССР против 346 в США), по танкам — в 2,7 раза (соответственно 17350 против 6400), по БТР и БМП — в 7,6 раза (36650 против 4800), по тактической авиации — в 2 раза (6100 против 3050), по крупным надводным кораблям — в 1,2 раза (85 против 72), по многоцелевым подводным лодкам — в 2,3 раза (61 против 27), по ядерным тактическим ракетам — в 1,6 раза (5850 против 3550), по ПЛАРБ — в 16,5 раза (33 против 2), по орудиям полевой артиллерии и системам залпового огня — в 38,1 раза (13 тыс. 350 против 350).²⁴

Может быть, США преувеличили цифры советского производства вооружений? Да нет, оснований для такого вывода нет. Хотя обобщенные данные военного производства в СССР по-прежнему

²² Annual Report to the Congress. Caspar W. Weinberger, Secretary of Defense. Fiscal Year 1987. P. 14.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Ibid. P. 24.

засекречены, отдельные опубликованные цифры позволяют сделать заключение, что США скорее занижали, чем завышали размеры советского военного арсенала.

Например, американцы считали, что Советский Союз произвел 30 тысяч ядерных боеприпасов и 500-600 тонн обогащенного урана. В действительности же, по данным бывшего российского министра по атомной энергии Виктора Михайлова, СССР произвел 45 тысяч боеприпасов и 1200 тонн оружейного урана.²⁵

Ошиблись американцы и при подсчете советских танков. Они считали, что СССР имеет их немногим более 50 тысяч, в то время как их оказалось 64 тысячи (по другим данным даже 68 тысяч).

А вот в своих выводах в отношении того, что означает стремление СССР максимально превзойти США по производству вооружения, американцы ошиблись. Ибо они сделали вывод, что это стремление СССР накопить как можно больше оружия означает только одно — подготовку к наступательной войне против Запада.

И США решили принять, как они считали, "советский вызов", приступив к резкому наращиванию собственных вооружений. При этом впервые после окончания войны в Корее они начали готовиться не только к ядерной, но и к длительной обычной войне.

В своем ежегодном докладе Конгрессу 8 февраля 1982 года К.Уайнбергер заявил:

"Еще одной ошибкой нашей прошлой оборонной политики в отношении обычной войны было предположение о "короткой войне", то есть предположение, что при планировании нашей стратегии и строительстве вооруженных сил мы можем исходить из того, что обычная война окажется непродолжительной. Здравый смысл и прошлый опыт учат нас, что это не так. Поэтому я распорядился о внесении изменений в нашу оборонную политику с целью исправления этой ошибки.

Должно быть очевидно, что в случае, если наша политика по сдерживанию агрессии потерпит провал и нам будет навязан вооруженный конфликт с применением только обычного оружия, Соединенные Штаты приложат все усилия для достижения как можно более быстрой победы. Однако те две войны, которые вели США после начала ядерной эры, оказались длительными. И в том случае, если мы не будем столь сильны, а противник настолько слаб, чтобы нам

²⁵ *The New York Times*, 26 September, 1993.

досталась быстрая победа, мы не можем рассчитывать, что война закончится в течение нескольких месяцев".²⁶

Подготовка же к длительной войне с применением обычного оружия требовала совершенно других, несравненно больших масштабов военного производства, учитывая, что даже при прежней установке на использование в случае войны ядерного оружия США тратили на обычные силы 85 процентов своего военного бюджета.

Уже по первой пятилетней программе развития вооруженных сил администрация президента Рейгана запланировала увеличение (по сравнению с последним планом президента Картера) поставок в войска танков М-1 — на 29 процентов, БТР и БМП — на 34 процента, боевых вертолетов — на 25 процентов.²⁷

Сделав вывод, что лихорадочное наращивание Советским Союзом производства вооружений свидетельствует о наличии у него агрессивных намерений, американцы допустили грубейший просчет. Им, похоже, и в голову не приходило, что в основе советских усилий по наращиванию вооружений лежит не подготовка к наступательной войне, а глубокое чувство неуверенности в собственных силах и прежде всего страх перед огромными мобилизационными возможностями военной промышленности США и других западных стран.

Наоборот, американское руководство явно опасалось, что Советский Союз стремится воспользоваться отставанием США в гонке вооружений и слабостью американских демократических институтов в деле мобилизации национальных ресурсов в военных целях.

Вот как представляла себе, например, "Команда Б" советскую точку зрения на США. "В глазах Москвы Соединенные Штаты выглядят парадоксом, так как они в одно и то же время чрезвычайно сильны и чрезвычайно слабы. Их сила проистекает прежде всего из уникальных производственных возможностей и технологического лидерства, позволяющего США иметь в наличии чрезвычайно высокотехнологичную военную мощь, опасную для советских глобальных амбиций. Одновременно с этим США рассматриваются ими как страна, не обладающая в настоящее время политической волей и дисциплиной, неспособная отмобилизовать все население и ресурсы для длительной борьбы за мировое господство, и лишенная ясных национальных целей."²⁸

²⁶ Annual Report to the Congress. Caspar W. Weinberger, Secretary of Defense. Fiscal Year 1983. Pp. I-16,17.

²⁷ Ibid. P. I-30.

²⁸ Intelligence Community Experiment... P. 42.

А вот какое объяснение советскому наращиванию вооружений дает генерал-полковник А.Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из советских военачальников, непосредственно отвечавших за военное планирование.

"Что мы имели к концу 80-х годов? У нас было 12 тысяч стратегических ядерных боеприпасов, примерно такое же количество боеприпасов было и у американцев. А вот что касается обычных вооружений, у нас был существенный перевес. В 1991 году имелось 63,9 тыс. танков (не считая танков у союзников), 66,9 тыс. артиллерийских орудий, 76,5 тыс. БМП и БТР, 12,2 тыс. самолетов и вертолетов, 437 больших боевых кораблей. У нас танков было в 6 раз больше, чем у НАТО. Перехлест? Но напомним, что накануне прошлой войны СССР имел 22 тыс. танков, из них 15 тыс. было на западе. А Германия — 5 тысяч и против СССР она бросила всего 3 тысячи танков. Но после первого месяца войны мы потеряли танковый парк полностью. С этим надо было считаться! Мы тоже могли потерять огромное количество танков, особенно при том высоком развитии противотанковых средств, которое было у американцев. Кроме того, баланс нельзя так считать, как считают, говоря о зеркальных вооруженных силах. В одних видах вооружения мы превосходили потенциального противника, в других уступали: существенно в авиации, в противовоздушной обороне. ... Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их."²⁹

Аналогичным образом объясняет советское превосходство в ряде обычных видов вооружения, например, в танках, и бывший начальник Генштаба генерал армии В.Лобов: "Например, у СССР было более 60 тысяч танков. Такое огромное их количество имело свое объяснение. Противостоящая сторона имела не только танки, но и мощнейшее противотанковое оружие, в том числе и противотанковые вертолеты. Один вертолет, по расчетам, способен поразить до 16-18 танков. Что мы должны были делать, зная, что у противника есть танки, да еще такие вертолеты (у нас подобных к тому времени не было)? Мы, имея развитую танковую промышленность, были вынуждены производить танков в 16 раз больше, чем вертолетов у противника".³⁰

Важным стимулом гонки вооружений в СССР стал также конфликт с Китаем. Генерал А.Данилевич пишет: "Что касается Брежнев и Гречко, то в 70-е годы они не столько опасались США, сколько Китая. Наиболее усиленные группировки создавались на

²⁹ Проблемы прогнозирования, № 2, 1996 г. С. 140.

³⁰ Там же. С. 149.

Востоке, и обычные типы оружия в первую очередь поставлялись туда".³¹

Однако решающим стимулом постоянно растущего выпуска вооружений в СССР была все же боязнь якобы имевшихся в США огромных мобилизационных мощностей военной промышленности, к тому же находившихся в состоянии высочайшей отмобилизованности, о чем постоянно докладывало ГРУ.

Доказательством этого могут служить, в частности, высказывания того же генерала А.Данилевича:

"Спрашивают, зачем нам было нужно почти 64 тысячи танков? Мы исходили из того, какой может быть новая война, рассчитывали возможный объем потерь, которые оказались бы несравнимыми с потерями во второй мировой войне: в 2-4 раза, а то и в десятки раз больше. Сравнивали потенциалы восполнения потерь, с одной стороны — США и НАТО, и с другой — СССР и ОВД. Оказывалось, что американцы во время войны могли бы не только восполнять потери, но и наращивать состав вооруженных сил. К концу первого года войны они имели бы возможность выпускать вдвое больше танков. Наша же промышленность, как показывают расчеты возможных потерь (вычислялись с помощью ЭВМ, проверялись на полигонах), не только не могла бы наращивать состав вооружения, но была бы не в состоянии даже поддерживать существовавший уровень. И через год войны соотношение составило бы 1:5 не в нашу пользу.

При краткосрочной войне мы успели бы решить задачи, стоящие перед нами. А если долгосрочная война? Мы же не хотели повторения ситуации 1941 года. Как можно было выйти из сложившегося положения? Создавая повышенные запасы вооружения, т.е. такие, которые превосходили бы их количество, требуемое в начале войны, и позволяли бы в ходе ее продолжать снабжать ими армию в необходимых размерах".³²

На фоне подобных заявлений Лобова, Данилевича и ряда других представителей советской военной верхушки, а также вследствие появления многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что высший советский генералитет отнюдь не считал, что СССР обладал военным превосходством над своими противниками, выводы "Команды Б" об огромных масштабах и агрессивном характере советских военных приготовлений выглядят абсурдно преувеличенными.

³¹ Там же. С. 138.

³² Там же. С. 144, 145.

Не удивительно, что ЦРУ всячески стремится теперь откритиковаться от этих выводов, на основе которых строилась в основном вся военная политика США с середины 70-х годов. В своем докладе на Принстонской конференции директор ЦРУ Джордж Тенет признает, в частности, что "все до одной Национальные разведывательные оценки (НРО), подготовленные с 1974 по 1986 годы, давали завышенные прогнозы темпов и масштабов модернизации Москвой своих стратегических сил".³³

В ответ на жесткую критику за то, что оно проглядело надвигающийся крах советской экономики, ЦРУ всячески, в том числе и путем рассекречивания своих архивов, пытается доказать, что оно пыталось это сделать, но наталкивалось на непонимание со стороны многих политиков, экспертов и средств массовой информации. В своем докладе в Принстоне Дж.Тенет напоминает, что ЦРУ первым указало на замедление темпов развития советской экономики в то самое время, когда повсеместно считалось, что экономика СССР развивается бурными темпами.

"Со времени распада Советского Союза работа Агентства (т.е. ЦРУ – В.Ш.) по оценке состояния советской экономики находится под огнем критики. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на почти всеми забытый факт, о котором нам напоминают рассекреченные документы, а именно на то, что аналитики ЦРУ еще в 1963 году докладывали о замедлении темпов роста советской экономики. Президент Линдон Джонсон посчитал этот доклад настолько важным, что он отправил в западноевропейские столицы специальную делегацию с задачей проинформировать союзников о выводах ЦРУ. Однако в американских академических кругах и в национальной прессе эта аналитическая разработка ЦРУ была встречена скептически. Более того, многие экономисты той эпохи считали, что командная экономика Советского Союза обладает органически присущими ей преимуществами перед рыночными системами Запада".³⁴

Бывший заместитель директора ЦРУ Даглас МакИчин (*Douglas MacEachin*), возглавлявший в 80-е годы в течение пяти лет Управление по анализу СССР, поведал, с каким трудом ему удавалось помещать в НРО информацию о трудностях, испытываемых Советским Союзом в экономической области. В частности, МакИчин описал,

³³ Remarks of the Director of Central Intelligence George J. Tenet Opening the Conference on CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947-1991. Princeton University "The Changing Nature of CIA Analysis in the Post-Soviet World," 9 March 2001. The Washington File. Office of International Information Programs, U.S. Department of State. // Johnson's Russia List, #5149, 14 March 2001.

³⁴ Ibid.

как ЦРУ безуспешно пыталось включить в НРО за 1986 год свое особое мнение, выражавшее несогласие с содержащимися в НРО выводами о неуклонно продолжающемся наращивании советской военной мощи. В ЦРУ, были убеждены, что НРО предсказывало такой рывок в области советских военных приготовлений, который превосходил по своим масштабам все вместе взятые советские военные программы с начала 60-х годов вплоть до 1986 года. По мнению ЦРУ, выполнение столь амбициозной программы увеличения производства вооружений было советской экономике просто не по силам. Тем не менее особое мнение ЦРУ было отвергнуто и не включено в НРО, несмотря на то, что наращивания советской военной промышленности не произошло. По словам МакИчина, включение в НРО реалистичных оценок о трудностях советской экономики было сопряжено со столькими трудностями, что "после 1986 или 1987 года мы вообще приняли решение не участвовать в подготовке НРО".

То обстоятельство, что именно полемика между сторонниками выводов "Команды Б", выражавшей преимущественно интересы Пентагона, и их оппонентами (главным образом из ЦРУ) оказалась в фокусе внимания Принстонской конференции, не должно удивлять. Дело в том, что после прихода к власти администрации Джорджа Буша-младшего ряд составителей доклада "Команды Б" заняли ключевые позиции в Пентагоне. В частности, Пол Вулфовиц стал первым заместителем министра обороны, а на Эндрю Маршалла (руководителя управления оценок Пентагона, так называемого *Net Assessment Office*) министр обороны Дональд Рамсфелд возложил задачу разработки плана радикальной реорганизации вооруженных сил США с учетом изменившейся обстановки в мире. И Вулфовиц, и Маршалл, которого американские знатоки коридоров власти считают инициатором создания "Команды Б", и их многочисленные сторонники отнюдь не собираются отказываться от своих выводов, сформулированных в докладе "Команды Б".

Так кто же прав в этом длящемся уже не одно десятилетие споре – ЦРУ или его критики, бичующие ЦРУ за преуменьшение советской военной угрозы? Кажется, обе стороны смирились с тем, что им не удастся навязать друг другу свою точку зрения. Ричард Перл, жесткий сторонник выводов "Команды Б", размышляет:

"Остается загадкой, почему была допущена столь огромная ошибка, и почему она приобрела хронический характер. Возможно, мы так и не узнаем истину. Единственное, что мы твердо знаем, так это то, что Билл Ли, Игорь Бирман, Стивен Роузфилд (наиболее известные критики ЦРУ за занижение военных расходов СССР – В.Ш.) и горстка других оказались правы, а гигантская организация (то есть ЦРУ – В.Ш.) ошиблась".³⁵

³⁵ William T. Lee, Op. cit. P. IX.

Со своей стороны, чтобы показать всю трудность анализа СССР, Дж.Тенет цитирует известного дипломата и знатока Советского Союза Чарльза "Чипа" Болену: "Существуют два заявления, которые вне всяких сомнений доказывают, что делающий их человек является либо лгуном, либо дураком. Первое гласит: виски не оказывает никакого влияния на трезвость моих суждений. Второе говорит: я знаю, как обращаться с русскими".

Тенету вторит его заместитель МакЛафлин: "Сейчас наше управление анализа России и Европы больше не содержит в своем штате аналитиков ни по консервам, ни даже по древесине. Россия, которую наши аналитики пытаются понять, более не скрыта от наблюдения завесой тоталитарного режима. Однако, на мой взгляд, сейчас понимание России является во многих отношениях даже более трудной задачей, чем прежде, как для нас, так и для самих русских".³⁶

Я не разделяю пессимизма американских разведчиков-аналитиков. Ответить на мучающий их вопрос трудно, но можно. Однако для этого им надо понять, что за пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная "мертвая зона", не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой "мертвой зоне" оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х – начале 30-х годов оказалась настолько живучей, что её влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая "невидимая рука рынка" Адама Смита.

В существовании этой "мертвой зоны" нетрудно убедиться при внимательном изучении документов ЦРУ и Национального Совета по разведке (НСР). Действительно, опубликовано огромное количество материалов, представляющих немалую ценность для любого исследователя истории "холодной войны". Только к открытию Принстонской "Конференции по анализу ЦРУ Советского Союза в 1947-1991 годах" 9-10 марта 2001 года было приурочено опубликование очередных 859 аналитических документов ЦРУ и НСР (включая 12 НРО) общим объемом 19 тысяч 160 страниц. Всего же до настоящего времени специально созданный в ЦРУ Центр по изучению разведки

³⁶ Remarks of the Deputy Director of Central Intelligence John E. McLaughlin at the Conference on CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947-1991, Princeton University "The Changing Nature of CIA Analysis in the Post-Soviet World," 9 March 2001. The Washington File. Office of International Information Programs, U.S. Department of State. // Johnson's Russia List, #5149, 14 March 2001.

(*Center for the Study of Intelligence*) опубликовал около 2 700 аналитических документов (почти 70 тысяч страниц).

Однако во всей этой горе документов я не смог найти ни одного, который был бы специально посвящен анализу системы мобилизационной подготовки СССР и оценке мобилизационных мощностей его военной промышленности. Не обнаружил я заметного интереса к этой проблеме ни в выступлениях участников Принстонской конференции, ни в докладах предшествовавшей ей конференции "В конце холодной войны", проведенной 18-20 ноября 1999 года в Техасском А & М Университете, ни в материалах других конференций и семинаров, занимавшихся анализом документов ЦРУ по экономике Советского Союза.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате первой мировой и гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность. Так как неизбежность будущей, и при этом длительной, войны с "капиталистическим окружением" не подвергалась сомнению, то не приходится удивляться, что экономика СССР очень быстро стала экономикой тотальной подготовки к войне. Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

Внешне, однако, Советский Союз отнюдь не выглядел сверхмилитаризованной страной. Это было связано с тем, что, в отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные "казенные" заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ.

По подсчетам маршала М.Тухачевского, проведенным в 1930 г., технологическая совместимость военной и гражданской техники позволяла в случае войны выпускать один самолет взамен трех автомобилей, один авиационный двигатель вместо двух автомобильных, один танк взамен двух тракторов и т.д. Учитывая, что по первому пятилетнему плану в 1933 г. предусматривался выпуск 350 тысяч автомобилей и 197 тысяч тракторов, СССР был способен, по мнению Тухачевского, производить на этой производственной базе 122,5 тысяч самолетов, 175 тысяч авиационных двигателей и около 100 тысяч танков в год.

И действительно, создав мощную и современную автотракторную промышленность, СССР, начиная с 1932 года и до второй половины 30-х годов (начала перевооружения Германии) производил больше танков и самолетов, чем остальные страны мира, вместе взятые. Мировое лидерство в выпуске военной техники маскирует, однако, тот факт, что основные усилия советского руководства в эти годы направлялись все же не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны.

Архивные документы свидетельствуют, что, санкционировав начавшийся процесс перевооружения армии, Сталин и Политбюро решительно отклоняли неоднократные требования Тухачевского и ряда других военных приступить к безотлагательному созданию массовой армии (около 250 дивизий) с десятками тысяч танков и боевых самолетов. Вместо этого приоритет был отдан развитию базовых, то есть формально гражданских отраслей промышленности как основы мобилизационного развертывания массового военного производства в будущем. Сталин даже обозвал Тухачевского за его предложения "красным милитаристом".

Разумеется, Сталин был не против ускоренного перевооружения Красной Армии. Просто он лучше, чем военные, понимал, что для того, чтобы произвести и содержать затребованное Тухачевским количество военной техники, необходимо огромное количество металла, топлива и т.д. А для развития базовых отраслей промышленности требуется гораздо больше средств и времени, чем на строительство сборочных автомобильных, тракторных и авиационных заводов, оборудование которых можно было в то время без особого труда закупить в США, переживавших тяжелейшую экономическую депрессию.

На самом деле все развитие базовых отраслей осуществлялось под углом зрения прежде всего военной, и лишь затем экономической целесообразности. Так, было принято решение о развертывании второй промышленной и сырьевой базы на Урале и в Сибири, а

также хозяйственном освоении Севера, хотя в силу инфраструктурной неразвитости этих регионов капиталовложения в европейской части страны были бы экономически много эффективнее. Теми же военными соображениями было продиктовано и решение о сокращении в течение второй пятилетки военно-промышленных мощностей в Ленинграде ввиду его уязвимости в случае войны.

Закупая за рубежом в больших количествах промышленное оборудование для создания современной индустрии, советское руководство одновременно целеустремленно и решительно принимало меры по достижению максимальной самодостаточности военного производства в случае войны. С этой целью были построены гигантские машиностроительные (например, "Уралмаш") и станкостроительные заводы. Крупные закупки зарубежного оборудования продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, однако их целью было не столько расширение текущего военного производства, сколько создание запасов уникального и дефицитного оборудования на случай войны.

Одновременно предпринимались огромные усилия по созданию независимой минерально-сырьевой базы. Это считалось особенно важной задачей ввиду того, что военная промышленность царской России в большой степени зависела от импорта многих материалов и металлов, особенно цветных. Строились комбинаты типа Норильского, закладывались плантации искусственного каучука и т.д.

Для обеспечения перехода от гражданского производства к военному была создана разветвленная и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. На всех уровнях советской власти и во всех органах экономического управления, вплоть до уровня каждого отдельного предприятия, были созданы специальные мобилизационные структуры, в которых уже к маю 1932 г. было занято 45 тысяч человек. Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение.

Приоритет мобилизационной подготовки промышленности перед текущим военным производством стал во второй пятилетке еще большим, чем в первой.

Так, по проекту пятилетнего плана производство боевых самолетов планировалось сократить с 3515 в 1933 г. до 2000 в 1937 г., танков соответственно с 4220 до 2800.

В то же время мобилизационные мощности по этим видам вооружения в соответствии с предложениями Госплана от июля-августа

1932 г. предусматривалось резко увеличить. Так, если мощности по выпуску танков планировались из расчета на выпуск, в случае мобилизации, 40,4 тыс. танков в год в 1933 г. (включая 16 тыс. танкеток), то в 1937 г. они должны были возрасти до 90 тысяч (включая 20 тыс. танкеток). Мощности по боевым самолетам, по расчетам Госплана, должны были возрасти с 13,1 тыс. в 1933 г. до 46,3 тыс. в 1937 г. Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала.

Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы второй мировой войны. Многократное превосходство над противником в танках и боевых самолетах, которое имели советские войска в начальный период войны, не спасло Красную Армию от сокрушительных поражений, а почти вся накопленная Советским Союзом за предвоенные годы военная техника была потеряна в первые же месяцы войны. На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны, или эвакуированы на Восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. тонн стали (по сравнению с 18,3 млн. тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И тем не менее, несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6 тыс. 590 единиц против 3 тыс. 256 в Германии, а в 1942 г. соответственно 24 тыс. 688 единиц против 4 тыс. 098 единиц.

Не удивительно, что победа в Великой Отечественной войне не только укрепила убежденность советского руководства в том, что советская плановая экономика является наиболее эффективной системой мобилизации ресурсов государства и общества на случай войны, но и в том, что высокая мобилизационная готовность страны важнее общих размеров её экономики.

После второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако

экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений. Об этом свидетельствовала знаменитая в свое время речь Сталина перед собранием избирателей 9 февраля 1946 года, на многие годы определившая развитие советской экономики. В ней он сказал:

"Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей".

Ясно, что такое количество стали, нефти и угля Сталину было нужно не для мирного соревнования с капитализмом. Просто по опыту минувшей войны он знал, что производство оружия лимитируется прежде всего наличием сырья, топлива и металла. Сталин был, очевидно, уверен, что если СССР смог превзойти в производстве вооружений Германию, опирающуюся на промышленность всей континентальной Европы, имея на все про все 8 млн. тонн стали в год, то при ежегодной выплавке 60 млн. тонн стали СССР сможет сразиться в случае нужды со всем миром.

Естественно, что сокращавшееся после войны производство вооружений не могло поглотить быстро растущее производство сырья, металла, топлива и электроэнергии. Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Такая уникальная система "пушек и масла" позволяла в случае необходимости без особых дополнительных организационных мероприятий и затрат переключать это "избыточное" в условиях войны потребление и связанное с ним гражданское производство на нужды войны.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности.

Почему же столь могучая система концентрации ресурсов, позволившая неокрепшему ещё в военном отношении СССР победить Германию с её союзниками, не смогла предотвратить крах Советского Союза на пике его военной мощи? И почему разведки Запада были застигнуты врасплох развалом огромной империи? Думаю, что ответ на этот вопрос надо искать в России. ЦРУ с его аналитиками здесь плохой помощник.

В. Шлыков
Что погубило Советский Союз?

Военный вестник №8

Верстка, макет – Давыдов В. П.
Корректорская правка проведена заказчиком

(лицензия Роскомпечати на издательскую деятельность
ЛР № 040888 от 14 апреля 1998 г.)

Отпечатано в ГП ЦРП “Москва – Санкт-Петербург”
(лицензия на полиграфическую деятельность
ПД № 00818 от 18 октября 2000 г.)

Москва, Рязанский переулок 3, тел.: (095) 265-81-63, 265-82-49
Подписано в печать 22. 05. 2001 г.
Печатных листов – 2,5. Печать офсетная.
Тираж 500 экземпляров